

СМОЛЕНСКАЯ «СКРЫНЯ» МУЗЕЙ КНЯГИНИ ТЕНИШЕВОЙ

Светлана Михайлова

«С годами все чаще и чаще, все более и более русские древности останапливали мое внимание, манили, и все шире и шире открывался передо мной целый до сих пор не ведомый мне мир... Я вдруг почувствовала, что все это близкое, свое, родное...

Любя страстно русскую природу, я в душе была всегда чисто русским человеком. Все, что касалось моей страны, меня глубоко трогало и волновало... Я дошла до того, что, живя за границей, с ненавистью относилась ко всем искусствам Запада и стала искать людей, противоположных тем, которые окружали меня, людей чисто русских духом, любящих и понимающих русское искусство». Такие горячие, искренние слова написала Мария Клавдиевна Тенишева в своих воспоминаниях.

Княгиня понимала, что без серьезного научного руководства собрание предметов народного и прикладного искусства останется прихотью богатого дилетанта.

Она обратилась к своему давнему знакомому, московскому археологу, профессору В. И. Сизову. Он посоветовал Тенишевой привлечь к делу сбора научных коллекций И. Ф. Барщевского, известного сериями своих этнографических фоторабот.

Тенишева заказала Барщевскому, бывшему в то время в Ярославле, сразу шестьсот снимков, и весной 1899 года снарядила экспедицию по древним городам, прибыв к своему путешествию, кроме Сизова и Барщевского, профессора Прахова, лекции которого посещала в Петербурге. «В половине апреля мы двинулись в путь, начав свое путешествие с Москвы, где я уже совсем другими глазами стала смотреть на памятники

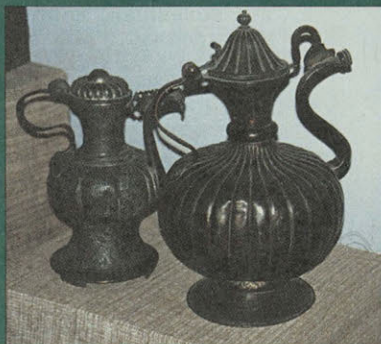

Княгиня Мария Клавдиевна Тенишева. Фото. Париж. 1902 г.

старины. Теперь я серьезно и внимательно их изучала». Далее последовали Ярославль, Ростов и Киев, и везде приобретались реликвии истории и культуры. 31 марта 1899 года В. А. Хренникова, секретарь Тенишевой, писала брату: «В Москву мы попали удачно: все эти дни была прекрасная погода, благоприятствовавшая нашим экскурсиям... Мы отправились на Сухаревку, княгиня купила там несколько древностей... Вчера Прахов купил много старого серебра (венчики, оклады), ужасно грязного, и мы весь вечер все его отмывали в нашатырном спирте и в воде, княгиня сама чистила нашатыркой, одна рука у нее совсем черная и еще не отмылась».

И в последующие годы Тенишева проводила подобные экспедиции. В 1904 году Д. С. Стеллецкий писал из Талашкина Б. М. Кустодиеву: «... А вот чему, я думаю, ты совсем позавидуешь, это то, что послезавтра княгиня, Барщевский, Зиновьев (здешний художник из Строгановского училища и очень талантливый декоратор), Лидин... и я едем по древнерусским городам смотреть древности. Все это, понятно, за княгинин счет. Маршрут, кажется, такой (если не изменится): Москва, Владимир, Суздаль, Юрьев-Польской, Троице-Сергиев, Ростов, Ярославль, Романов, Кострома, Углич, Новгород и Псков. Ведь не дурно это увидеть».

На избранном пути по созданию своего детища Тенишеву ожидало немало препятствий. Используя средства мужа (князя В. Н. Тенишева, владельца крупных заводов, деятеля науки, написавшего несколько книг по социологии), Тенишева не получила от него одобрения своих начинаний. «Муж ненавидел старину, находил, что это решительно ничего не

Сельскохозяйственная школа
княгини М. К. Тенишевой. Фленово.
1890-е гг. Сегодня в здании
располагается экспозиция произведений
русского народного декоративно-
прикладного искусства

Из собрания Историко-
этнографического музея княгини
М. К. Тенишевой:

Кумганы. XVIII в.
Медные сосуды с чеканкой
на поверхности

Ковш. XVII в. Россия

Подставка под витрину
для музея М. К. Тенишевой. 1900-е гг.
По эскизу С. В. Малютина

«Садко — богатый гость».
Панно. 1900-е гг.
По эскизу С. В. Малютина.
Панно предназначалось для
интерьера здания театра
в Талашкине

Прялки. XVIII—XIX вв.
Россия. Север

Валек. XIX в.

Возок. 1900-е гг.
Изделие талашкинских
художественных
мастерских.
По эскизу С. В. Малютина.

Ковши-черпачки. XVII в.

Наличник. XIX в.

Саночки. XIX в.

Ларцы. XVIII в.

дает науке... Меня же он всегда дразнил моей страстью коллекционерства. Он колол меня этим, а деньги, потраченные на покупку старинных вещей, считал брошенными в огонь, и при этом всегда повторял: «Что бы делали старьевщики, если бы не было таких самодурок, как ты?» Дошло до того, что я... стала прятать все, что приобретала. Мои чуланы, комоды, чердаки, шкафы были складами моих сокровищ». Нужно сказать, впрочем, что князь, в конце концов, уступил жене, проявляя обычное свое великодушие...

И вот в 1901 году Тенишева открывает первый свой музей в Талашкино. «Исторический вестник» информирует читателей о том, что музей размещен в одноэтажном каменном здании из двух комнат, одна из которых отведена под экспозицию, другая служит библиотекой. Автор информации сообщает также, что коллекции привлекают разнообразием и хорошим выбором, включают редкие и ценные экземпляры, как, например, икона Богоматери с Младенцем византийского письма XII–XIII столетия. Представлены были также иконы старинного новгородского письма, финифти, царские врата, ларцы, кубки, жалованные ковши и братины. Особый интерес представляла коллекция курганных древностей Смоленской губернии, этнографические коллекции...

В 1903 году художник Малютин выполнил проект музея. На земле помощницы и подруги Тенишевой, Е. К. Святополк-Четвертинской, за Молоховскими воротами осуществлена была постройка здания в русском стиле, и в 1905 году сюда были переведены коллекции из Талашкина и устроены на двух этажах в виде насыщенного экспонатами фондохранилища, открытого для посещения экскурсиями в определенные дни.

Многочисленные публикации посвящались собранию Тенишевского музея. Н. Тароватый в журнале «Искусство» отмечал, что коллекция резных и раскрашенных вещей из дерева заключала, кажется, все, «что возможно было собрать характерного в этом роде». Автор перечисляет также коллекции серебряных, цеканых изделий, кружек, братин, кубков, северных русских кружев, заключающих в себе очень редкие

Историко-этнографический музей княгини М. К. Тенишевой.
Фото. Начало XX в.

Княгиня М. К. Тенишева в Парижской мастерской.
Фото. 1907 г.

образцы из золоченых и разноцветных шелковых нитей.

Вскоре Тенишевой довелось представить русское прикладное искусство на Западе. Можно сказать, невольно. Спасая коллекции в период погромов 1905 года, Тенишева вывозит свое детище во Францию. Привезенное в Париж было размещено в собственном доме Тенишевой, в ее мастерской, и вызвало неизменный интерес гостей. Наконец, к княгине обратилось французское правительство с предложением устроить выставку в павильоне Марсан, где четыре зала было отведено под экспонаты «русской старины». Выставка проходила с огромным успехом с 10 мая по 10 октября 1907 года, ее посетителями стали 78 тысяч человек. Был издан каталог с предисловием Дениса Роше. От французского правительства Тенишева получила звание «Officier de l'Instruction Publique en France» («Удостоенной знака отличия по народному

Историко-этнографический музей княгини М. К. Тенишевой.
Фото. Начало XX в.

образованию Франции»), а Барщевскому был присужден орден «Palme academique» (пальмовая ветвь от Академии — отличительный знак университета, существующий с 17 мая 1898 года). Впервые в столь полном объеме состоялось знакомство европейской публики с русским народным и декоративным искусством.

В 1908 году коллекции были возвращены в Смоленск, экспозиция восстановлена, и в 1909 году музей был открыт для посещения. На этом злоключения не закончились.

В течение двух лет происходило судебное разбирательство с А. В. Жиркевичем, обвинившим Тенишеву в расхищении сокровищ смоленской архиерейской ризницы, так как несколько предметов было приобретено ею на распродаже. Не получив активной защиты от города, Тенишева высказала мысль, что смолянам ее музей не нужен. Тут же последовали предложения от ряда крупных городов и стран. Однако Тенишева начинает хлопоты перед Русским музеем Александра III с целью оставить музей в Смоленске на обеспечении государства. С государственным деятелем П. И. Нерадовским, посетившим Талашкино, она передает прошение на имя Николая II: «Молю Бога, чтобы Его Императорское Величество милостиво снизошло на мою просьбу, потому что в наше время так трудно охранять такую ценную частную собственность». На прошение последовала резолюция: «Очень благодарю и принципиально согласен. Выработать проект положения о музее и представить мне. 4 августа 1909 г.»

Однако Русский музей не имел средств на содержание музея в Смоленске. В 1910 году Тенишева получила запрос от Московского археологического института с просьбой о передаче музея и дала принципиальное согла-

сие. В условиях значилось, что Тенишева передает музей в дар городу Смоленску, а юридические права на него закрепляются за институтом. Торжества по случаю передачи музея состоялись в мае 1911 года в Смоленске. 1 августа 1911 года министр народного просвещения Кассо докладывал Николаю II о даре М. К. Тенишевой, и тот просил подготовить доклад о выражении ей благодарности. Акт передачи музея получил широкое освещение в прессе.

Научная обработка коллекций составила отныне самую главную цель М. К. Тенишевой. В 1909 году она опубликовала позальный список экспозиции «Историко-этнографический музей

княгини М. К. Тенишевой в Смоленске. Общий каталог», включающий 6940 экспонатов. В 1911 году было напечатано прибавление к каталогу с цифрой 6941 по 7680. В каталоге музыкальных инструментов И. Ф. Барщевского 1915 года указана последняя цифра 8385 экспонатов. Собрание и позднее постоянно пополнялось.

С 1911-го по 1920-й годы музей находился в ведении Московского археологического института. Тенишева, кроме музея, передала институту верхний этаж соседнего собственного дома. Здесь происходили занятия учащихся филиала института, были две аудитории, помещение для библиотеки, канцелярия, комната для приезжих профессоров. В музее также проходили занятия студентов, коллекции использовались и в учебных, и в научных целях.

В 1918 году дом Тенишевой был конфискован. В верхнем этаже, вместо института, разместились квартиры, в нижнем, где жила княгиня — авиационная рота.

Самоотверженные усилия по сохранению музея в эти годы предпринимал И. Ф. Барщевский.

Журнал «Краеведение» (№ 2, 1923) писал: «...Будет жаль, если прекрасное начинание Тенишевой, исключительное по своей научной и художественной ценности, будет уложено, как на прокрустово ложе, на тот или иной план местного музея. Тенишевский музей должен оставаться самим собой, продолжать дело своей основательницы и ни в коей мере не стремиться к областной программе».

Разделив со своей страной трагические моменты ее истории, коллекция «русской старины» княгини Тенишевой не погибла. Сегодня она по-прежнему остается уникальным достоянием культуры России.